

1457
Алиса Беконъ

Женщина въ Японіи

переводъ съ 10-го американскаго изданія
подъ редакціей
и съ „Очеркомъ современнаго образованія въ
Японіи“

Н. П. А.

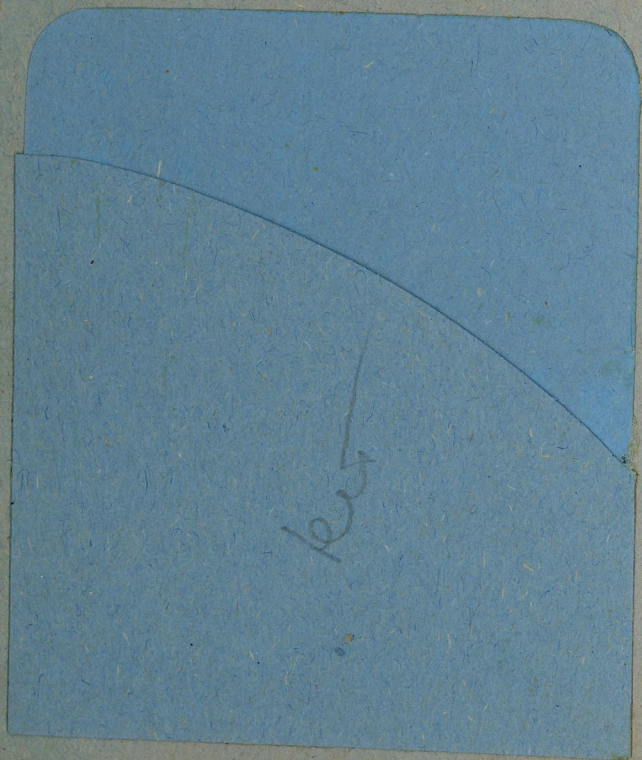
A571031

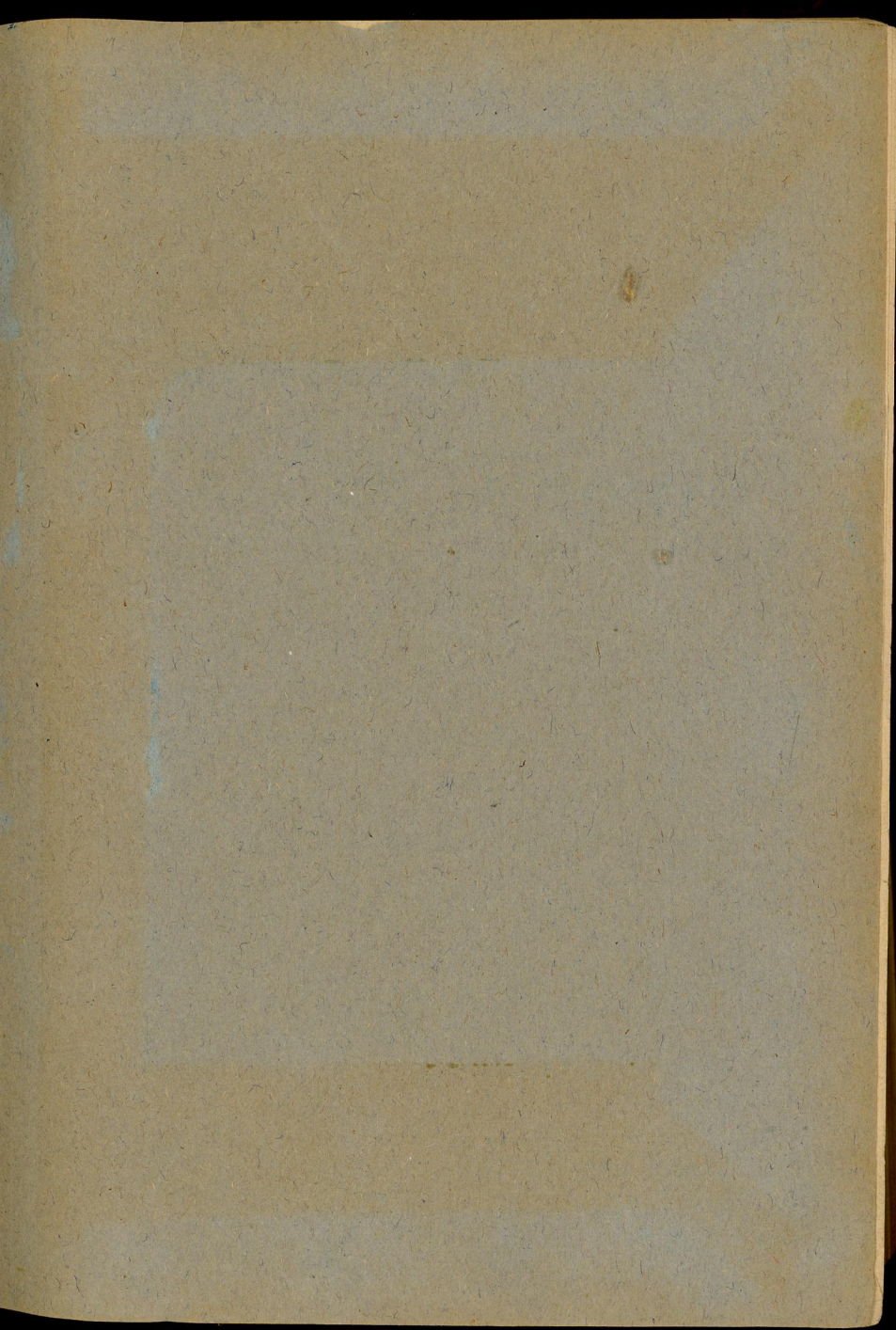
V.N. Karazin Kharkiv National University

01157274

5

9(n)
396:91(52)
Б-42

Бекон, Эме Мейбл.

АЛИСА БЕКОНЪ

Женщина
въ Японіи

ПЕРЕВОДЪ

СЪ 10-ГО АМЕРИКАНСКАГО ИЗДАНІЯ (1903 ГОДА)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

И СЪ ОЧЕРКОМЪ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНІЯ ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ЯПОНИИ

Н. П. А.

Издательство

О. Н. Поповой

С.-Петербургъ

Невскій пр., 54

[1904]

Книжки Маринина

ОБОВ'ЯЗКОВИЙ
ПРИМІРНИК

1

Центральна наукова бібліотека
ХНУ імені В. Н. Каразіна
2010р.

Тип. Исидора Гольдберга, Спб., Екатеринин. кан., 94.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА

ХНУ ІМЕНІ В. Н. КАРАЗІНА

№ 10

А 541031

4

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТР.

	Отъ редактора	
	Введеніе	5
Глава	I. Дѣтство	7
Глава	II. Образованіе	38
Глава	III. Бракъ и разводъ	56
Глава	IV. Жена и мать	76
Глава	V. Старость	106
Глава	VI. Придворная жизнь	121
Глава	VII. Жизнь въ замкѣ и ящики	144
Глава	VIII. Самурайки	162
Глава	IX. Женщина въ сельскомъ населеніи	186
Глава	X. Жизнь въ городахъ	211
Глава	XI. Домашняя прислуга	249
Глава	XII. Японка въ семьѣ	267
Глава	XIII. Десять лѣтъ прогресса	300
	Приложеніе	334

Очеркъ современнаго состоянія образованія въ Японіи

	Предисловіе	365
	Введеніе	366
	I. Начальное образованіе	369
	II. Среднія и высшія школы	414
	III. Высшее образованіе	422
	IV. Общія замѣчанія объ образованіи въ Японіи	430
	V. Заключеніе	434

Списокъ иллюстрацій

Японская няня съ ребенкомъ	13
Японки на джиннерикшахъ, провожаемыя поклонами прислуги	27
Урокъ этикета (обмѣнъ привѣтствій хозяйки дома и го- стей) въ женской учительской семинаріи въ На- гасаки	47
Японки, сныяція подъ зимнимъ одѣяломъ	79
Японки въ саду	99
Японки въ ванной	207
Торговецъ сельскими продуктами въ городѣ	223
Хоръ гейшъ	231
Гейша у себя дома	235
Японская актриса въ костюмѣ старыхъ временъ	239
Прогулка по рѣкѣ Сумидѣ въ Токіо	245
Входъ въ храмъ Каменфъ въ Токіо	281
Графъ Окума	308
Фукузава Якиши	313
Діаграмма, показывающая процентное число дѣтей школьнаго возраста, посѣщающихъ начальную школу за время съ 1873 г. по 1902 г.	370
Діаграмма, показывающая ростъ числа учениковъ средне- образовательныхъ учебныхъ заведеній за время съ 1897 г. по 1902 г.	419

Отъ редактора

Предлагаемый вниманію читателей трудъ переведенъ съ десятаго изданія сочиненія * американской писательницы Алисы Беконъ, признаннаго изслѣдователями современной жизни Японіи самымъ полнымъ и авторитетнымъ изъ всѣхъ тѣхъ источниковъ на европейскихъ языкахъ, въ которыхъ обрисовано положеніе женщины въ этой интересной странѣ. Это и неудивительно, такъ какъ г-жа Беконъ жила много лѣтъ въ Японіи, работала въ качествѣ воспитательницы въ японскихъ семьяхъ и занималась педагогическою дѣятельностью въ японскихъ школахъ.

Читая нѣкоторыя страницы книги отдѣльно, можно придти къ заключенію, что авторъ грѣшитъ, повидимому, излишними деталями въ изложеніи; но это только—повидимому, потому что упомянутыя детали, въ связи съ тѣмъ, что изложено на предшествующихъ и послѣдующихъ страницахъ, въ дѣйствительности весьма существенны для полноты картины, рисующей положеніе женщины въ Японіи.

Между первымъ (1891 года) и послѣднимъ (1903 года) изданіями книги Алисы Беконъ прошло двѣнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ движеніе въ Японіи въ пользу эмансипаціи женщинъ разрослось и упрочилось сильно. Результаты этого движенія резюмированы авторомъ въ послѣдней главѣ ея труда—„Десять лѣтъ прогресса“, а также въ нѣкоторыхъ

* Japanese Girls and Women; by Alice Mabel Bacon. Revised and enlarged (tenth) edition. Boston and New York. The Riverside Press, Cambridge. 1903.

примѣчаніяхъ къ тексту, изложенныхъ въ особомъ „Приложеніи“.

Оригиналъ, съ котораго сдѣланъ настоящій переводъ, не иллюстрированъ, и рисунки, приложенные къ послѣднему, — за исключеніемъ пяти (Японки въ саду, Гейша у себя дома, Японская актриса въ костюмѣ старыхъ временъ, портреты графа Окума и Фукузавы Якиши), заимствованныхъ изъ сочиненія „Japan in Transition; by Stafford Ransome, 1899“, исполнены по фотографіямъ съ натуры, полученнымъ нами во время пребыванія въ Японіи въ 1903 году.

Мы сочли умѣстнымъ приложить къ переводу сочиненіе „Очеркъ современнаго состоянія образованія въ Японіи“ потому, что, независимо отъ глубокаго интереса этого вопроса, — безъ знакомства съ которымъ невозможно судить о характерѣ и степени прогресса Японіи въ эру Меиджи (т. е. съ 1868 года, когда былъ ниспровергнутъ феодальный строй въ государствѣ), — онъ, по существу своему, не можетъ не имѣть тѣсной связи съ вопросомъ о положеніи женщины въ странѣ. Именно тѣ государственные и общественные дѣятели Японіи, которые при свѣтѣ образованія усвоили себѣ начала культуры Европы и Америки, поняли, что „если страна хочетъ удержаться на высотѣ, которую заняла, то надо что нибудь сдѣлать для измѣненія положенія въ ней женщины“, — положенія, при которомъ, какъ рельефно рисуется это трудъ Алисы Беконъ, для японки не могъ быть обезпеченъ семейный очагъ въ благородномъ смыслѣ этого слова, а японецъ могъ имѣть въ женѣ своей только вѣрную служанку, а отнюдь не понимающаго его друга и товарища.

Н. П. А.

ГЛАВА I.

ДѢТСТВО

Начало жизни японскаго ребенка не очень отличается отъ начала жизни дѣтей въ западныхъ странахъ. Его рожденіе, будь онъ мальчикъ или дѣвочка, встрѣчается съ большою радостью. Такъ какъ одни только мальчики носятъ фамилію родителей и наследуютъ ихъ титулы и состояніе, то рожденіе ребенка мужского пола имѣетъ большее значеніе; но сердца многихъ родителей радуются и прибавленію дочери къ ихъ семейному кружку.

Какъ только событіе совершается, для извѣщенія о немъ родственниковъ и интимныхъ друзей посылается специальный вѣстовой, а менѣе близкіе знакомые оповѣщаются „формальными“ письмами. Всѣ извѣщенные такимъ образомъ лица должны сдѣлать ранній визитъ новопрішельцу для того, чтобы привѣтствовать вступленіе его въ жизнь подлуннаго міра, и должны или принести съ собою, или послать передъ своимъ приходомъ какой нибудь подарокъ. Игрушки, куски матеріи—бумажной, шелковой или креповой для одежды ребенка—считаются подходящими предметами, и каждая вещь должна сопровождаться рыбой или яйцами, какъ символомъ добрыхъ пожеланій. Когда посылаются яйца, то они красиво укладываются въ закрытый ящикъ, который можетъ

содержать тридцать, сорокъ или даже цѣлую сотню яицъ *.

Ребенокъ, особенно если онъ—первенецъ, получаетъ много подарковъ въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ недѣль своей жизни, и въ извѣстное время родители должны выразить свою благодарность отвѣтными подарками. Это дѣлается, когда ребенокъ достигаетъ около тридцатидневнаго возраста.

Какъ ребенокъ, такъ и мать переживаютъ тяжелое время въ теченіе первыхъ недѣль его жизни. Ребенокъ переходитъ изъ рукъ въ руки; кругомъ него суетится и болтаетъ такъ много гостей, что, еслибы онъ могъ понимать, то, безъ сомнѣнія, подумалъ бы, что этотъ міръ—мѣсто пытокъ. Мать также лишена отдыха и покоя, отъ которыхъ такъ нуждается, и утомляется отъ возбужденія при видѣ многочисленныхъ друзей и въ усиліяхъ, насколько можетъ, соблюдать тѣ церемонныя поклоны и привѣтствія, которые предписываетъ этикетъ.

Передъ седьмымъ днемъ отъ рожденія ребенокъ получаетъ имя **. Это не сопровождается никакой це-

* Всѣ подарки въ Японіи должны быть завернуты въ бѣлую бумагу, которая во всѣхъ случаяхъ, за исключеніемъ похоронъ, должна имѣть какую нибудь надпись, и перевязаны особыми красными и бѣлыми бумажными тесемочками, къ которымъ долженъ быть привязанъ ноши или кусочекъ сушеной рыбы, завернутый тщательно въ цвѣтную бумагу; это—неизбѣжная принадлежность каждаго подарка.

** Ребенку рѣдко дается имя кого либо изъ живыхъ членовъ семейства или друзей. Обыкновенно сыну дается нѣсколько измѣненное имя отца или кого либо изъ давно умершихъ предковъ. Одна изъ причинъ этого заключается, вѣроятно, въ неудобствѣ одинаковыхъ именъ въ той же семьѣ, а вторыхъ именъ, какъ средства избѣжанія его, японцы не употребляютъ. Обыкновенно имя ребенку дается отцомъ, но допускается просить о томъ кого либо

ремоніей, но дата рожденія ребенка, вмѣстѣ съ именемъ его, официально записывается въ областной конторѣ, ведущей статистику мѣстнаго населенія, и въ честь этого событія весь штатъ домашней прислуги получаетъ каникулы. На седьмой же день подается за семейнымъ столомъ особымъ образомъ приготовленный рисъ съ красными бобами,—праздничное блюдо, эмблема благополучія.

Слѣдующимъ важнымъ событіемъ въ жизни ребенка является мійя-маири,—церемонія, которая, въ общемъ, соотвѣтствуетъ нашему крещенію. На тридцатый день послѣ рожденія² ребенокъ „дѣлаетъ первый визитъ“ въ храмъ. Для этого совершаются большія приготовленія, и ребенокъ одѣвается въ тончайшій шелкъ или крепъ, раскрашенный яркими цвѣтами—спеціальнымъ костюмъ для этого случая. На этомъ костюмѣ нашивается въ различныхъ мѣстахъ фамилный гербъ, какъ и на всѣхъ церемоніальныхъ костюмахъ, какъ для стараго, такъ и для малаго, потому что каждое японское семейство имѣетъ свой гербъ. Одѣтый такимъ образомъ и сопровождаемый членами семейства, маленькій бэби относится въ какой либо шинтоистскій храмъ и тамъ „отдается“ подъ покровительство божества—патрона храма. Отъ этого божества, избирчаемаго изъ большого числа шинтоистскихъ божествъ, ожидается спеціальное попеченіе о ребенкѣ въ теченіе всей жизни послѣдняго. Ему, т. е. божеству

изъ друзей или патрона семейства. Имена дѣвочекъ обыкновенно — названія красивыхъ предметовъ природы, какъ напри-
мѣръ, слива, снѣжинка, лучъ солнца, лотосъ, золото,—тогда какъ для мальчиковъ, низшихъ классовъ часто считаются подходящими такія имена, какъ камень, медвѣдь, тигръ и т. п. Называть ребенка по имени какого либо лица не считается особенно почетнымъ¹.

ству, также какъ и священнику, при этомъ дѣлаются разныя приношенія, взаимѣнь которыхъ ребенокъ получаетъ благословеніе. По окончаніи церемоніи обыкновенно въ домѣ родителей ребенка, особенно если они принадлежать къ какому либо высокопоставленному семейству, собираются гости. Приглашаются друзья и близкіе знакомые; и если кто либо изъ нихъ не послать еще подарка новорожденному, то долженъ сдѣлать это именно тогда.

Обыкновенно въ этотъ день и семейство, въ свою очередь, посылаетъ друзьямъ отвѣтные подарки въ знакъ признательности за полученные. Они состоятъ иногда изъ красныхъ бобовъ и риса, такого же приготовления, какъ на седьмой день рожденія ребенка, а иногда изъ пирожковъ мочки или рисовой пасты. При этомъ обыкновенно прилагается и благодарственное письмо. Рисъ кладется въ хорошенькій лакированный ящикъ, который ставится на лакированный подносъ, и все это покрывается кускомъ богато украшеннаго крепа или шелка. Ящикъ, подносъ и салфетка, конечно, сейчасъ же возвращаются назадъ, причемъ, смѣшно сказать, ящикъ не долженъ мыться, такъ какъ возвращеніе его вычищеннымъ считается предсказаніемъ весьма большой неудачи, и взаимѣнь риса въ него кладется кусокъ японской бумаги. Иногда, вмѣстѣ съ ящикомъ риса, посылается ящикъ яицъ или особаго рода сушеная рыба, называемая катсуобуши. Это дѣлается, когда желаютъ получить въ отвѣтъ особенно красивый подарокъ. Когда приходится посылать пятьдесятъ или даже сто отвѣтныхъ подарковъ, то для хозяйки дома представляется нелегкая задача, чтобы никто не былъ забытъ, и чтобы все было сдѣлано надлежащимъ образомъ. Подарки разносятся спеціальными посыльными, которые въ зна-

чительномъ числѣ заняты этимъ дѣломъ въ теченіе двухъ или трехъ дней.

Послѣ всѣхъ этихъ празднествъ и церемоній для ребенка наступаетъ спокойная, тихая жизнь, которую нельзя назвать ни непріятною, ни нездоровою. Его не трясутъ на рукахъ и не закачиваютъ въ люлькѣ, пока онъ не уснетъ,—ему позволяютъ кричать, сколько онъ хочетъ, причемъ никто не думаетъ, что отъ этого крика начнется свѣтопреставленіе. Одежда ребенка свободна, надѣвается на него и снимается съ него легко и скоро. При такихъ условіяхъ ребенокъ развивается сильнымъ и дороднымъ, учится принимать жизнь до нѣкоторой степени философски, даже въ весьма раннемъ возрастѣ, и не имѣетъ причинъ испускать чуть не истерическіе и страдальческіе крики, какъ наши дѣти, когда ихъ связываютъ, пеленаютъ, просовываютъ ихъ ручки въ узкіе рукава и т. п.

Костюмъ японскаго ребенка, хотя далеко не такой красивый, какъ костюмы нашихъ дѣтей, во многихъ случаяхъ гораздо болѣе разуменъ. Онъ состоитъ изъ такого числа шелковыхъ, бумажныхъ или фланелевыхъ одеждъ съ широкими рукавами, какого требуетъ то или другое время года, причемъ всѣ эти одежды скроены почти по одинаковому образцу и имѣютъ такой же фасонъ, какъ свободные кимоно для взрослыхъ. Эти одежды всовываются одна въ другую, прежде чѣмъ одѣваются на ребенка, затѣмъ разстилаются на полъ, и ребенокъ „кладется“ въ нихъ; мягкій поясъ, привязанный къ самой верхней одеждѣ, перевязывается тогда кругомъ его талии, и одѣваніе оканчивается безъ крика и рыданій, такъ просто и удобно, какъ только можно. Костюмы ребенка также, какъ и у насъ, дѣлаются достаточно длинными, чтобы закрыть его маленькія голыя ножки; длинные же рукава закрываютъ

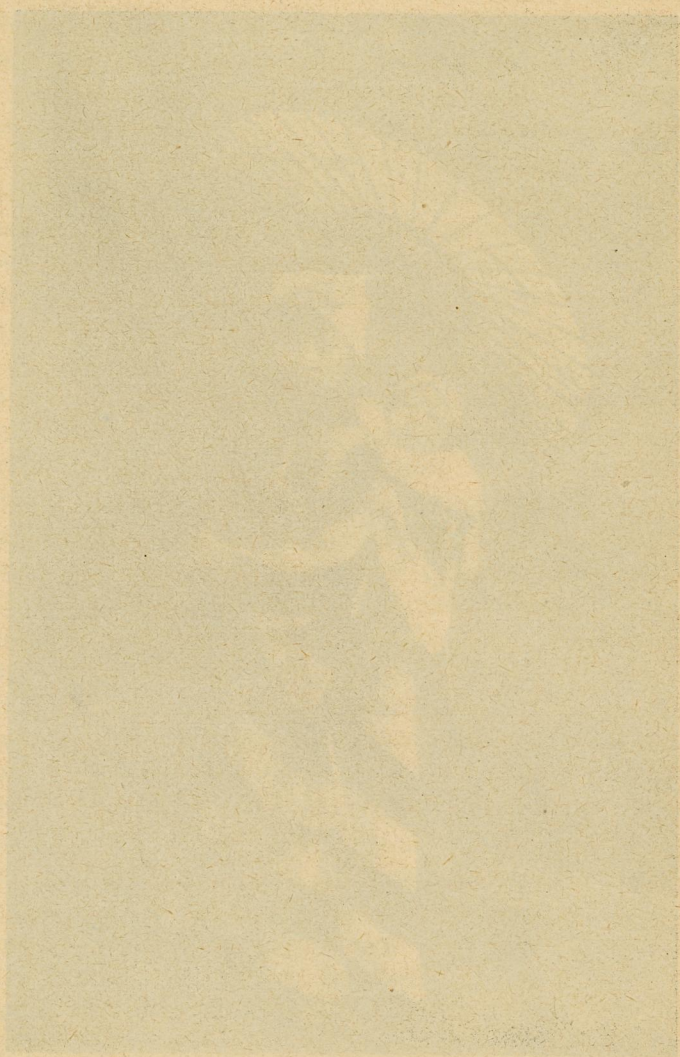
его рученки настолько, что не позволяют царапать личико, что онъ такъ любить, и въ то же время сохраняютъ ихъ теплыми и сухими.

Дѣти въ семьяхъ низшихъ классовъ, черезъ нѣсколько недѣль послѣ рожденія, носятся на перевязи за спиной кого либо изъ членовъ семьи, часто старшей сестры или брата, которые иногда сами едва достигли пяти- или шестилѣтняго возраста. Чѣмъ бѣднѣе семья, тѣмъ ранѣе ребенокъ помѣщается на спину своей „няни“, и часто можно видѣть, что дѣти, едва пережившія первый мѣсяцъ послѣ рожденія, „висятъ“ за спиной кого либо изъ своихъ родичей, со сплюснутыми еще глазенками и качающейся на слабой шеѣ головкой, проводя на улицѣ цѣлые дни и при всякой погодѣ. Когда холодно, то верхнее платье (хаори) сестры или брата служить ребенку пледомъ, а когда солнце слишкомъ горячо, то зонтикъ сестры предохраняетъ голую головку его отъ зноя³. Живя „на людяхъ“, японскія дѣти скоро пріобрѣтаютъ осмысленный взглядъ и какъ будто радуются на игры старшихъ дѣтей, за спинами которыхъ носятся, и наслаждаются также, какъ и сами играющія. Дѣти среднихъ классовъ не живутъ въ обществѣ такимъ образомъ, но проводятъ дни за спинами специальныхъ нянекъ, пока не научатся ходить; поэтому ихъ не часто можно видѣть на улицѣ, такъ какъ немногіе и только бѣднѣйшіе японцы, даже въ большихъ городахъ, не могутъ имѣть хотя бы маленькаго садика, гдѣ дѣти играютъ и пользуются воздухомъ.

Дѣтей богатыхъ фамилій, знати и императорской фамиліи не нянчатъ за спиной. Ихъ носятъ на рукахъ, какъ дома, такъ и на воздухѣ; но такъ какъ это требуетъ постояннаго человѣка для ребенка и не позволяетъ нянѣ заниматься какимъ либо дѣломъ, то

Японская няня съ ребенкомъ

такая роскошь доступна лишь очень немногимъ. Съ ребенкомъ, привязаннымъ за спиной, женщина имѣетъ возможность и нянчить его, и исполнять домашнія работы, какъ-то: носить воду, мыть и варить рисъ и т. п. Дѣти императорской фамиліи носятъ на рукахъ иногда день и ночь, съ момента рожденія до тѣхъ поръ, пока они не научатся ходить, что, надо думать, дѣлаетъ младенческій жребій высокопоставленнаго ребенка менѣе привлекательнымъ, чѣмъ плебея.

Гибкость колѣнъ, требующаяся для японскаго способа сидѣнья, пріобрѣтается привычкой ребенка съ весьма ранняго возраста сидѣть на поджатыхъ подъ себя ногахъ, а не такъ, какъ считается у насъ естественнымъ *.

Въ семьяхъ низшихъ классовъ населенія, въ домахъ которыхъ мало купальныхъ приспособленій, дѣти съ самыхъ первыхъ недѣль ихъ жизни часто берутся въ общественную баню, гдѣ имъ дѣлають горячія ванны. Послѣднія въ Японіи обыкновенно нагреваются до температуры 100° и 120° Фаренгейта,—

* Неестественность и потому негигіеничность японскаго способа сидѣнья доказана недавними измѣреніями, произведенными врачами японской арміи. Измѣренія эти показываютъ, что малый ростъ японца является въ значительной мѣрѣ слѣдствіемъ короткости ногъ, не пропорциональной по отношенію къ остальнымъ частямъ тѣла. Сидѣнье съ ранняго дѣтства на согнутыхъ въ колѣняхъ ногахъ останавливаетъ развитіе ихъ и естественно ведетъ къ нѣкоторой уродливости въ сложеніи японцевъ. Эта уродливость менѣе замѣтна среди крестьянъ, которые, по своему образу жизни, ходятъ и работаютъ стоя достаточно для того, чтобы обезпечить надлежащее развитіе ногъ; но между купцами, людьми книжныхъ и другихъ профессій, требующихъ продолжительнаго сидѣнья и малой подвижности, она замѣтна весьма сильно. Введеніе стульевъ и столовъ въ обиходъ японской жизни, безъ сомнѣнія, измѣнило бы со временемъ физическія свойства японцевъ.

температуры, которую большая часть иностранцевъ, посѣщающихъ Японію, находятъ почти невыносимой. Для нѣжной кожи ребенка первыя двѣ или три ванны являются обыкновенно сурою пыткой; но онъ скоро привыкаетъ къ высокой температурѣ и беретъ ванну также, какъ и выносить всякаго рода, „манипуляціи надъ собою кротно и спокойно. Рожденный въ странѣ, гдѣ никогда не употребляется коровье молоко, ребенокъ вполне зависитъ отъ молока матери * и не отнимается отъ груди совѣтъ, пока не достигаетъ возраста трехъ или четырехъ лѣтъ и не дѣлается способнымъ жить на обыкновенной пищѣ того класса населенія, къ которому принадлежитъ. Здѣсь нѣтъ промежуточнаго питанія хлѣбомъ и молокомъ, кашкой и молокомъ или киселями различнаго рода, потому что весьма важный факторъ нашей кухни—молоко—отсутствуетъ въ кухнѣ японской, гдѣ нѣтъ ни молока для дѣтей, ни „мяса для вошедшихъ въ возрастъ“.

Вслѣдствіе отчасти недостатка надлежащаго питанія послѣ того, какъ ребенокъ слишкомъ великъ для того, чтобы жить исключительно на молокѣ матери, а отчасти, можетъ быть, и скудной пищи, которою питаются матери, даже въ высшихъ классахъ населенія, многія дѣти въ Японіи страдаютъ непріятными кожными болѣзнями, особенно на черепѣ и лицѣ,—пораженіями, которыя обыкновенно исчезаютъ, какъ только дитя привыкаетъ къ нормальной пищѣ въ отроческомъ возрастѣ. Другое послѣдствіе, какъ

* Иногда, въ старое время, дѣтямъ давалась вмѣсто молока рисовая вода; но почти невозможно держать ребенка только на этой одной пищѣ. Теперь употребляется какъ свѣжее, такъ и сгущенное молоко, въ случаяхъ, когда молока матери недостаточно, и только въ тѣхъ частяхъ Японіи, гдѣ чувствуется иностранное вліяніе ¹.

Книгозби...
література
В. Басюного
13315 — 17 — 2084

мнѣ кажется, недостатка надлежащей пищи въ пе-
ріодъ прорѣзыванія зубовъ, это—ранняя потеря пер-
выхъ зубовъ, которые обыкновенно чернѣютъ и раз-
рушаются, пока не покажутся вторые зубы. За исклю-
ченіемъ этихъ дефектовъ, японскія дѣти кажутся здо-
ровыми, добродушными и счастливыми въ необыкно-
венной степени и показываютъ, что большая часть
условій ихъ жизни гигіенична. Постоянное пребываніе
на воздухѣ и здоровый костюмъ въ значительной мѣрѣ
парализуютъ слѣдствіе скудной пищи, и японскій ре-
бенокъ, хотя и малорослый, по типу своей расы, обык-
новенно имѣетъ здоровый видъ и обладаетъ крѣпкимъ
тѣлцемъ. Однимъ изъ бросающихся въ глаза свой-
ствомъ японскаго ребенка является умѣнье его въ са-
момъ раннемъ возрастѣ цѣпляться, точно котенокъ,
за спиной того, кто его нянчить, такъ что трудно
уронить его, даже и по неосторожности, потому что
ребенокъ самъ смотритъ за своей безопасностью, по-
добно молодой обезьянѣ. Полотенца, привязывающія
его къ спинѣ няни, достаточно надежны; но ребенокъ
уже мѣсячнаго возраста предоставляется самому себѣ,
въ дѣлѣ занятія удобнаго для него положенія, и скоро
научается „сѣдлатъ“ свою няню со значительнымъ ис-
кусствомъ, вмѣсто того, чтобы болтаться, какъ тюкъ,
за ея плечами. Каждый, кто когда либо бралъ на руки
японскаго ребенка, можетъ засвидѣтельствовать боль-
шую понятливость его въ этомъ направленіи въ весьма
раннемъ возрастѣ; и эта цѣпкость рукъ и ногъ играетъ,
быть можетъ, значительную роль въ дѣлѣ приобрь-
тенія японцами особенной быстроты движеній и крѣ-
пости мускуловъ, которые характеризуютъ ихъ съ дѣт-
ства. Эта ловкость и мускульныя качества присущи
дикимъ животнымъ; мы видимъ ихъ иногда у индѣй-
цевъ, но въ болѣе замѣтной степени у японцевъ, и

А 541031

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
ХИМУМЕНІН КАРАЗИНА
№ 10

по преимуществу среди представителей низшихъ классовъ населенія.

Первые уроки японскаго ребенка въ хожденіи берутся при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ удобныхъ мягкихъ таби, или короткихъ рукавицеобразныхъ носкахъ на ноженкахъ, ребенокъ можетъ падать, сколько ему угодно, безъ ушиба и шума, на мягкихъ циновкахъ, покрывающихъ полы японскихъ домовъ. Въ комнатѣ нѣтъ ни мебели, ни другихъ какихъ либо предметовъ, которые заставляли бы бояться, что ребенокъ запнется и, упавъ, ушибется обо что нибудь. Но послѣ усвоенія искусства ходьбы въ комнатахъ, первыя попытки выхода ребенка на улицу сильно затрудняются цори или гетами, т. е. легкими соломенными сандалями или маленькими деревянными колодками, которыя привязываются къ ногамъ тесемками, проходящими между первымъ и вторымъ пальцами. Съ самаго начала сандаля или колодка привязывается еще къ ногѣ ребенка узенькой повязкой, укрѣпляемой кругомъ щиколки; но эта предосторожность скоро дѣлается ненужною, и ребенокъ научается „волочить“ ноги также, какъ и взрослые люди, удерживая гету на одной тесмѣ, проходящей, какъ сказано, между пальцами. Эта немного стѣснительная и неудобная обувь неизбежно заставляетъ ребенка сначала часто падать; но опытъ его въ искусствѣ балансируванія на спинѣ нянекъ помогаетъ ему скоро приспособиться и къ балансируванію на маленькихъ деревянныхъ колодкахъ. Ребята двухъ или трехъ лѣтъ чувствуютъ себя совершенно удобно въ гетахъ, какъ будто бы это была самая комфортабельная обувь, а болѣе взрослые дѣти бѣгаютъ, прыгаютъ, скачутъ на одной ногѣ и участвуютъ во всѣхъ подвижныхъ играхъ, отнюдь не стѣсняясь значительною тяжестью

колодокъ, которыя утомили бы наши непривычные къ нимъ щиколки и пальцы до полной неспособности къ движеніямъ. Такая японская обувь, хотя и вырабатываетъ ужасную походку, сопровождающуюся волоченіемъ ногъ, имѣеть, однако, и нѣкоторыя преимущества надъ нашею, особенно по отношенію къ тѣмъ дѣтямъ, ноги которыхъ растутъ очень быстро. Геты, если даже ребенокъ выросъ изъ нихъ, никогда не давятъ перваго пальца и не сжимають щиколокъ. Если нога слишкомъ длинна для колодки, то пятка, правда, виситъ за нею, но первый палецъ не страдаетъ, и при этомъ употребленіе геть укрѣпляетъ щиколки, не давая имъ никакой искусственной поддержки и помощи и предоставляя мускуламъ ступни и вообще ноги возможность свободныхъ движеній въ естественномъ положеніи. Пальцы на ногахъ японца пріобрѣтають цѣпкость въ удивительной степени, такъ что послѣдніе утилизируются имъ не только для поддержки обуви, но, какъ напримѣръ, у механиковъ, положительно почти въ качествѣ дополнительныхъ рукъ, помогающихъ держать обрабатываемые предметы. Каждый палецъ „знаетъ свое дѣло и хорошо исполняетъ его“, не атрофируясь до полной почти неспособности независимыхъ движеній, какъ это бываетъ у тѣхъ народовъ, которые употребляютъ кожаную обувь.

Различіе въ одеждѣ мальчика и дѣвочки, особенно рѣзко опредѣляющееся съ отроческаго возраста, начинается уже и въ младенчествѣ. Только очень маленкій мальчикъ одѣвается въ красные и желтые цвѣта, которые, однако, скоро замѣняются болѣе солидными—синими, сѣрыми, зелеными и коричневыми тогда какъ дѣвочка еще долго носитъ широчайшіе пышные костюмы самыхъ яркихъ цвѣтовъ, среди ко-

торыхъ большею частью преобладаетъ красный. Поэтому полъ даже маленькаго бэби можно различить по цвѣту его одежды. Бѣлый цвѣтъ—цвѣтъ траура въ Японіи—никогда не употребляется для дѣтей; крошечныя бэби одѣваются, какъ уже сказано, въ яркія цвѣтныя одежды изъ такихъ же матерій, какъ и у взрослыхъ, т. е. бумажныхъ, шелковыхъ или креповыхъ, смотря по достатку и классу семьи. Такъ какъ такіе костюмы могутъ не такъ легко, какъ наши фланелевые или батистовые дѣтскіе костюмы, то въ бѣднѣйшихъ классахъ японскаго населенія нѣтъ той чистоты въ одеждахъ дѣтей, какъ у насъ, и пышныя, яркіе дѣтскіе японскіе халатики не такъ привлекательны, какъ наши дѣтскія платья. Что касается покроя японскихъ дѣтскихъ костюмовъ, то я предпочла бы его нашему, въ примѣненіи къ нашимъ легко-моющимъ матеріямъ,—примѣненіи, которое я видѣла въ семействахъ японскихъ дамъ, воспитывавшихся за границей, и при которомъ, мнѣ кажется, рѣшительно устраняются всякія возраженія противъ японскаго покроя.

Японскій ребенокъ начинаетъ упражняться въ болтовнѣ съ самыхъ раннихъ дней, такъ какъ его родной языкъ особенно удобенъ для легкаго выраженія чувствъ дѣтей; и можно слышать, какъ маленькія ребята лепечутъ легко произносимыя слова задолго до того, какъ дѣлаются способными „сойти съ подвѣсокъ“ за спиной матери или няни. Нѣсколько несложныхъ словъ выражаютъ много и удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ ребенка. Гйэ (Gu) выражаетъ неудовольствіе или тревогу всякаго рода и употребляется также и какъ отрицаніе „нѣтъ“; мам’ма—обозначаетъ пищу; бе бе—одежду; та та—посокъ или комнатную обувь. Мы находимъ много такихъ же звуковъ, какъ и въ языкѣ англійскаго ребенка, по значенія ихъ

совершенно другія. Ребенокъ не обременяется трудными грамматическими формами, какъ потому, что японскій языкъ имѣетъ мало склоненій и спряженій, такъ и потому еще, что ребенокъ слишкомъ молодъ для того, чтобы считаться съ „высокимъ значеніемъ“ выраженія различныхъ степеней вѣжливости, которыя составляютъ камень преткновенія для иностранца, изучающаго японскій языкъ и запутывающагося въ нихъ, какъ въ силкахъ.

Когда маленькая японка выходитъ изъ младенческаго возраста, она находитъ раскрывающуюся передъ нею жизнь веселой и счастливой, но обставленной тѣсно „требованіями приличія“ и болѣе всего условіемъ—съ младенчества до старости подчиняться власти болѣе сильнаго пола. Ея положеніе будетъ окружено почетомъ и уваженіемъ тогда только, когда она научится въ юности урокамъ привѣтливаго послушанія, пріятнымъ манерамъ и личной чистотѣ и опрятности. Ея обязанности будутъ всегда въ домашнемъ кругу или, если она принадлежитъ къ сельскому классу, на фермѣ. Передъ нею не открывается никакой карьеры по призванію: она должна всегда зависѣть или отъ отца, или отъ мужа, или отъ сына, и величайшее счастье можетъ быть достигнуто ею не развитіемъ интеллектуальныхъ способностей, но выработкой полного самообладанія, которое въ Японіи требуется отъ женщинъ даже еще въ болѣе высокой степени, чѣмъ отъ мужчинъ. Это самообладаніе должно состоять не просто въ умѣннѣ воздержаться отъ всѣхъ внѣшнихъ выраженій непріятныхъ ощущеній,—будь то горе, гнѣвъ или боль,—но въ умѣннѣ вызвать на лицѣ своемъ веселую улыбку и въ пріятныхъ манерахъ даже при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Обязанности быть сдержанными маленькія дѣвочки учатся съ нѣжнѣй-

шаго возраста; и урокъ въ этомъ великомъ моральномъ требованіи постоянно преподается имъ старшими. Маленькая дѣвочка должна совершенно отрѣшиться отъ всякаго „я“, должна все отдавать другимъ, никогда не обнаруживать волненія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда оно пріятно окружающимъ: въ этомъ секретъ истинной вѣжливости, и женщина должна имъ овладѣть, если желаетъ, чтобы о ней думали хорошо, и чтобы ей позволили вести счастливую жизнь. Послѣдствія такого воспитанія проявляются въ привлекательныхъ, но полныхъ достоинства, манерахъ японскихъ женщинъ и даже еще очень маленькихъ дѣвочекъ. Онѣ не назойливы, не развязны, но и не слишкомъ застѣнчивы; въ нихъ нѣтъ ни самолюбія, ни недостатка *savoir faire*; дѣтская простота соединяется съ женскимъ пониманіемъ удобствъ окружающихъ. Японскій ребенокъ кажется продуктомъ болѣе совершенной цивилизаціи, чѣмъ нашъ, потому что онъ вступаетъ въ жизнь безъ той дикости манеръ, которою отличаются дѣти въ нашей странѣ, и первые десять или пятнадцать лѣтъ ихъ жизни, повидимому, не проходятъ въ борьбѣ за пріобрѣтеніе хорошихъ манеръ, которыя сдѣлали бы ихъ менѣе непріятными въ вѣжливомъ обществѣ. Поскольку японская вѣжливость является результатомъ воспитанія, и поскольку она унаслѣдована отъ поколѣній цивилизованныхъ предковъ, сказать трудно; но, по моему личному впечатлѣнію, въ Японіи дѣти начинаютъ жизнь уже съ врожденными задатками хорошихъ манеръ, что,—вмѣстѣ съ неизмѣнно ласковымъ и привѣтливымъ обращеніемъ съ ними со стороны окружающихъ, а также постояннымъ примѣромъ и устными внушеніями принциповъ самообладанія и заботливости о другихъ,—имѣетъ слѣдствіемъ распространенную во всемъ народѣ привлекательность

манерь. Одна изъ любопытныхъ вещей японскаго домашняго обихода—это соблюденіе формальностей въ отношеніяхъ между братьями и сестрами и уваженіе и почтеніе, оказываемыя старшинству по возрасту всеѣми членами семьи. Бабушка и дѣдушка являются первыми во всемъ,—никому за столомъ нельзя прислуживать прежде, чѣмъ имъ; послѣ нихъ слѣдуютъ отецъ и мать, и наконецъ дѣти, сообразно ихъ возрасту. Младшая сестра должна всегда уступать во всемъ первенство старшей и выражать ей почтеніе даже въ такихъ случаяхъ, какъ при входѣ въ комнату и выходѣ изъ нея. Желанія и удобства старшаго, а не младшаго, принимаются въ соображеніе во всемъ, и усвоенію этого дѣти должны учиться съ ранняго возраста. Разница въ годахъ можетъ быть небольшою—но всетаки старшій изъ двухъ имѣетъ первенство во всеѣхъ случаяхъ.

Мѣсто въ семействѣ маленькой японки пріятно: съ нею нянчатся и отецъ, и старшіе братья, и никто изъ членовъ семейства, кромѣ родителей, не здоровается съ нею безъ выраженія почтенія, требуемаго ея положеніемъ. Если она самая старшая дочь, то для прислуги она является О Го Сама,—что значитъ, буквально, „молодая барыня“; для своихъ братьевъ и сестеръ она—Не Санъ, старшая сестра. Если же она одна изъ младшихъ, то ей принадлежитъ титулъ, состоящій изъ почетнаго обращенія О и слѣдующаго за тѣмъ слова Санъ, что значитъ „барышня“. И съ этимъ титуломъ должны къ ней обращаться младшіе братья, сестры и прислуга. Какъ въ младенческомъ возрастѣ, такъ въ отроческомъ, и сдѣлавшись дѣвужкой, японка окружена въ семьѣ большою любовью и попеченіями; но она не растетъ безъ всякой отвѣтственности и воспитанія въ духѣ подготовленія къ тѣмъ

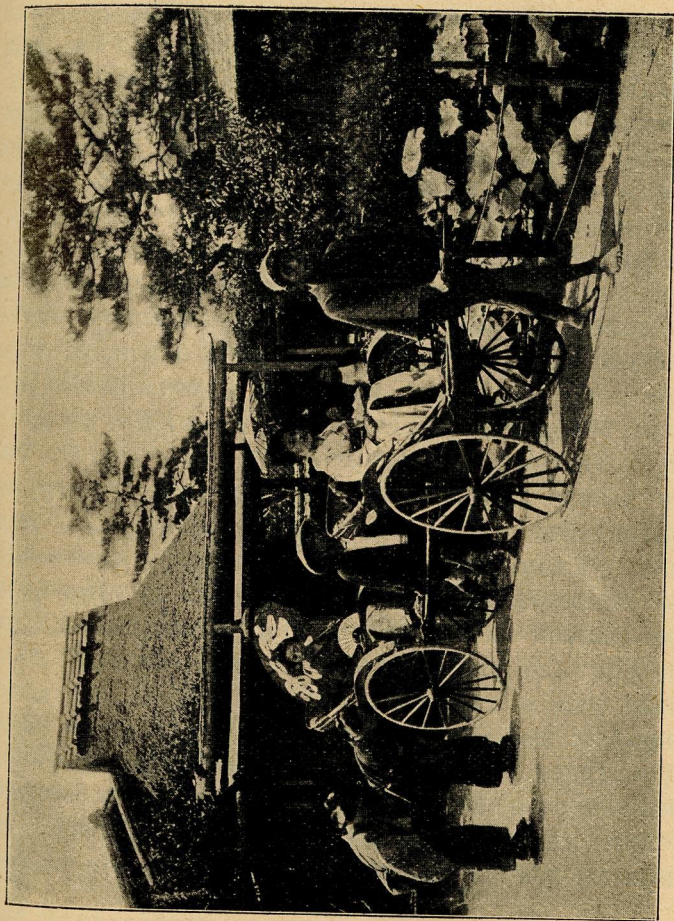
обязанностямъ, которыя наложить на нее замужество. Она должна учиться всему, что потребуетъ отъ нея въ домашнемъ обиходѣ будущее положеніе жены и матери, также какъ нѣкоторымъ гуманитарнымъ и математическимъ свѣдѣніямъ, которыя въ послѣднее время считаются все болѣе и болѣе необходимыми для женщинъ въ Японіи. Она должна нести нѣкоторую отвѣтственность въ веденіи домашняго хозяйства; должна смотрѣть, чтобы чай былъ во-время и какъ слѣдуетъ поданъ для гостей, которые могутъ быть приняты ея родителями, и всегда, — если только она не принадлежитъ къ семействамъ высшихъ классовъ, — должна прислуживать гостямъ сама. Даже и въ упомянутыхъ семействахъ, гдѣ гость, которому хотятъ оказать особую честь, угощается не со всѣмъ семействомъ, но отдѣльно, съ главой его, за столомъ должна прислуживать жена или дочь. И это не вслѣдствіе недостатка слугъ въ домѣ, которыхъ можетъ быть очень много; иногда они даже толпятся въ задней части той же комнаты, готовые принять отъ барышни ненужную ей посуду. Дѣвушка поэтому должна знать надлежащій этикетъ за обѣдомъ, умѣть прислуживать заботливо и изящно и, болѣе всего, умѣть заставить гостя выпить бутылку сакэ, чтобы поддержать репутацію гостепріимства дома. Еслибы гость пришелъ въ отсутствіе родителей, то она должна принять и занять его до ихъ прихода. Она должна также имѣть нѣкоторое попеченіе о поведеніи младшихъ членовъ семьи, особенно въ отсутствіе родителей. Такими различными путями она готовится принять на себя хозяйственныя заботы, когда придетъ къ тому время. Во всѣхъ семействахъ, за исключеніемъ только самыхъ богатыхъ и аристократическихъ, дочери принимаютъ широкое участіе въ обыденныхъ домашнихъ

работахъ. Въ домѣ, гдѣ нѣтъ мебели, ковровъ, бездѣлушекъ, зеркалъ, картинъ въ рамкахъ, каминовъ съ ихъ сложною топкой углями или дровами, стеколь для мытья, гдѣ бѣольшая часть кушаній готовится за стѣнами дома, на дворѣ или на улицѣ, гдѣ нѣтъ постоянной перемѣны въ женскихъ костюмахъ, работа женщинъ значительно уменьшена, но всетаки ея остается еще довольно, чтобы занять много времени. Каждое утро надо свернуть постели и убрать въ шкафъ или комодъ, снять сѣтки противъ москитовъ, вынести комнаты, обтереть со стѣнъ и циновокъ пыль, тщательно провѣтрить комнаты передъ утреннимъ завтракомъ. Кромѣ этого, остается еще мытье и чистка энгава или галлерей, которая окружаетъ японскій домъ между шоджи или бумажными рамами, играющими роль оконъ, и амадо или скользящими ставнями, которыя запираются только на ночь или во время сильнаго дождя. Затѣмъ надо приготовить и подать завтракъ, вымыть блюда (въ холодной водѣ), и затѣмъ, можетъ быть, надо пойти на рынокъ или въ лавку, или купить что либо у продавцовъ рыбы и овощей, которые приносятъ къ дверямъ дома тяжелыя корзины провизіи; но послѣ того, какъ эти обязанности исполнены, можно сѣсть спокойно за дневную работу—шитье, чтеніе или какія либо руководствія, въ зависимости отъ склада жизни дома. Шитья обыкновенно очень много, такъ какъ многіе японскіе костюмы должны распарываться на куски, прежде чѣмъ подвергаться мытью, и подкрашиваться, пока куски матеріи не примутъ своего первоначальнаго вида. При стиркѣ не употребляютъ ни горячей воды, ни мыла, и, вмѣсто глаженья, костюмы изъ бумажной матеріи, моющіеся обыкновенно безъ распариванія ихъ, вывѣшиваются на бамбуковыхъ шестахъ, продѣтыхъ въ рукава, и вы-

тягиваются и разглаживаются до сушки; шелковые же костюмы всегда распарываются прежде мытья, а постель пего, еще мокрым, натягиваются на рамы и выставляются на солнце, пока матерія не высохнуть.

Затѣмъ японская дѣвушка должна научиться готовить обыденныя блюда. Надлежащее приготовленіе риса, являющееся само по себѣ цѣлой наукой, приготовленіе различныхъ суповъ, которые составляютъ основу японскаго меню, приготовленіе моччи—родъ рисоваго тѣста, которое дѣлается подъ новый годъ или посылается друзьямъ при различныхъ семейныхъ празднествахъ: все это и многія другія отрасли кулинарнаго искусства должны быть усвоены молодою дѣвушкой прежде, чѣмъ она считается способною вступить въ замужество.

Но, хотя жизнь дѣвушки протекаетъ не безъ обязанностей и отвѣтственности, она всетаки не лишена простыхъ и невинныхъ удовольствій⁵. Первое мѣсто между ежегодными празднествами, приносящими съ собою много радостей и забавъ, занимаетъ чествованіе новаго года. Въ это время отецъ, мать и всѣ старшіе члены семьи освобождаютъ себя отъ работы и службы и отдаются характернымъ для этого времени года увеселеніямъ и спортамъ. Заботы и тревоги „откладываются въ сторону“ съ окончаніемъ стараго года, и первые лучи новогодняго солнца приносятъ съ собою довольно долгій періодъ безграничной радости для дѣтей. Въ теченіе недѣли продолжаются празднества, а праздничное настроеніе остается еще цѣлый мѣсяцъ, побуждая къ веселью. Съ ранняго утра до ухода въ постель дѣти носятъ свои самые красивые костюмы, въ которыхъ играютъ, не боясь получить выговора. Гости приходятъ и уходятъ, принося поздравленія всей семьѣ и часто подарки для всѣхъ чле-

Японки на джипперихахъ, провожаемыя поклонами прислуги.

новъ ея. Запасы дѣтскихъ игрушекъ такимъ образомъ значительно увеличиваются, и домъ переполняется разными дарами, изъ которыхъ моччи или пирожки изъ рисовой пасты, приготовляемые всегда спеціально для этого времени, занимаютъ самое важное мѣсто.

Дѣти сопровождаютъ родителей въ новогоднихъ визитахъ ихъ къ друзьямъ, къ большой своей радости, такъ какъ, одѣтыя въ лучшія свои платья, они кажутся изъ дома въ домъ на джиннерикшахъ*.

Затѣмъ, въ теченіе долгихъ счастливыхъ вечеровъ, все семейство, включая даже старыхъ дѣдушку и бабушку, собирается для веселыхъ игръ; слуги также приглашаются присоединиться къ семейству и, не выходя изъ рамокъ своего положенія, со рвеніемъ предаются играмъ. Одна изъ любимыхъ игръ, это— „Гіаку нинъ и сшу“, что значитъ буквально „поэмы ста поэтовъ“. Она состоитъ изъ двухъ сотенъ картъ, на каждой изъ которыхъ отпечатана первая или послѣдняя половина одной изъ ста знаменитыхъ японскихъ поэмъ, — хорошо извѣстныхъ всѣмъ японцамъ, къ какому бы классу или состоянію они ни принадлежали. Всѣ японскія поэмы кратки, такъ какъ содержатъ только тридцать одинъ слогъ, и дѣлятся, по самому содержанію своему, на двѣ части. Одна сотня картъ, содержащихъ вторыя половины поэмъ, раскладывается вверхъ текстомъ передъ играющими, одинъ изъ коихъ избирается чтецомъ. Ему то и дается остальная сотня картъ, и онъ читаетъ начало поэмъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ выни-

* Джиннерикша или курума—это маленькая легкая телѣжка, двухколесная, обыкновенно съ широкимъ верхомъ, „запряженная“ человѣкомъ. Джиннерикша—наиболѣе распространенный изъ экипажей, употребляемыхъ теперь въ Японіи. Курумаія—эпитеза, принадлежащій человѣку, везущему телѣжку.

маеть ихъ изъ сложенной колоды. Искусство въ этой игрѣ состоитъ въ быстромъ вспоминаніи строки, слѣдующей за прочитанной, и быстромъ нахожденіи карты съ окончаніемъ поэмы. Особенно внимательно долженъ слѣдить игрокъ за своими картами, и если онъ находитъ на какой либо изъ нихъ конецъ поэмы, начало которой только, что прочитано, то долженъ выдернуть и поднять ее вверхъ прежде, чѣмъ ее увидить и отложить въ сторону кто нибудь другой. Тотъ, кому это послѣднее удастся, отдаетъ зазѣвавшемуся игроку нѣсколько изъ своихъ картъ. Раздавшій такимъ образомъ свои карты прежде другихъ считается выигравшимъ. Игроки обыкновенно разсаживаются въ два ряда по срединѣ комнаты, и одинъ рядъ играетъ противъ другого, причемъ игра не считается оконченной до тѣхъ поръ, пока которая нибудь изъ сторонъ не освободится отъ всѣхъ своихъ картъ. Игра требуетъ большой быстроты мышленія и движенія и неоцѣненна въ томъ отношеніи, что знакомить молодежь съ національной классической поэзіей и въ то же время служить источникомъ большого веселья и радости, какъ для старыхъ, такъ и для малыхъ.

Въ Японіи на протяженіи всего года распределены разнообразныя праздники цвѣтовъ, во время которыхъ часто со всей семьей дѣвушка посѣщаетъ знаменитыя сады, гдѣ цвѣтеніе сливи, вишни, хризантемъ, ириса или азалии отличается особенной прелестью, и проводятъ тамъ день въ эстетическомъ наслажденіи красотами природы, дополненными искусствомъ человѣка. Однако любимѣйшимъ изъ всѣхъ годовыхъ праздниковъ является праздникъ куколъ — на третій день третьяго мѣсяца; тогда большой неогороаемый семейный шкапъ „выкладываетъ“ цѣлую

сокровищницу куколъ, изъ которыхъ многія въ старыхъ семействахъ „прожили“ уже сотни лѣтъ. И въ теченіе трехъ дней эти куклы, со всѣми своими принадлежностями и изящною обстановкой изъ серебра, лакированного дерева и фарфора, „царствуютъ“ на покрытыхъ красною матеріей полкахъ въ самой лучшей комнатѣ дома. Наболѣе выдающіяся изъ куколъ суть изображенія императора и императрицы въ древнихъ костюмахъ, сидящія въ гордомъ величіи на лакированныхъ тронахъ. Рядомъ съ ними располагаются фигуры пяти придворныхъ музыкантовъ въ официальныхъ костюмахъ, каждый со своимъ инструментомъ. Кромѣ этихъ куколъ, которыя налицо всегда и составляютъ центральныя фигуры въ этотъ праздникъ, на нижнихъ полкахъ разставляются въ безчисленномъ множествѣ другія, болѣе плебейскія, но часто болѣе любимыя дѣтьми. Въ общемъ вся эта коллекція куколъ и вся обстановка ихъ кажется чѣмъ-то чудеснымъ. Мнѣ посчастливилось присутствовать на праздникѣ куколъ въ домѣ одного да имія изъ рода Токугавы, въ которомъ старые обычаи и церемоніи соблюдались строго, и надъ которымъ волна иностранныхъ новшествъ прошла такъ легко, что въ немъ употребляется еще старый календарь, почему праздникъ чествуется тамъ на третій день третьяго мѣсяца японскаго года, а не третьяго марта, какъ обыкновенно теперь въ Японіи. Въ этомъ домѣ, гдѣ куклы собирались уже въ теченіе сотенъ лѣтъ, пять или шесть широкихъ, покрытыхъ красною матеріей, полокъ,—каждая, можетъ быть, двадцати или болѣе футовъ длины,—были совершенно заполнены ими и ихъ принадлежностями. Императоръ и императрица различныхъ эпохъ появлялись въ нѣсколькихъ изображеніяхъ, также какъ и пять современныхъ имъ

музыкантовъ, и крошечная мебель и утварь были удивительно красивы и цѣнны. Передъ императорами и императрицами былъ сервированъ элегантнѣйшій столъ, подносики, чашки, чайники, сосуды для саке, чашки для риса и т. п., и въ каждой посудѣ было положено соотвѣтствующее количество кушанья, для котораго онъ предназначенъ. Саке, употребляющійся для этого праздника, это — сладкій бѣлый ликеръ, отличающійся отъ обыкновеннаго саке также, какъ сладкій сидръ отъ сухого, которымъ человѣкъ можетъ напиться до состоянія опьяненія⁶. Кромѣ трапезнаго стола, передъ куклами помѣщается, кажется, все, что императоръ можетъ найти необходимымъ или желательнымъ для себя. Лакированные норимоно или паланкины; лакированная телѣжка, запряженная кривоногими черными быками, — такъ ѣздили знатные люди въ старой Японіи, — и все это, воспроизводя въ копіи былую дѣйствительность до мельчайшихъ подробностей, помѣщалось на красныхъ полкахъ. Здѣсь были крошечные серебряные и мѣдные хибачи или жаровни, со щипцами и угольными корзиночками — вся кухня, со всеми принадлежностями для приготовления самой изысканной японской трапезы, и притомъ въ такомъ законченномъ видѣ, что было годно для настоящаго употребленія; все необходимыя туалетныя принадлежности — гребенки, зеркала, приспособленія для черненія зубовъ, для расчесыванія и черненія бровей, для румяненія губъ и бѣленія лица. И сколько наслажденія доставляло это дѣвочкамъ, которыя имѣли счастье обладать такими сокровищами! Въ теченіе трехъ дней императорскія изображенія торжественно угощаются каждымъ блюдомъ, и дѣвочки рады служить ихъ императорскимъ величествамъ; но, когда праздникъ кончается, куклы и ихъ принад-

дежности опять упаковываются въ ящики и запираются въ несгораемый шкапъ до слѣдующаго года.

Коллекція Токугавы, о которой я говорила, замѣчательно полна и цѣнна, потому что она составлялась сотни лѣтъ въ одной изъ младшихъ отраслей рода, который въ теченіе двухъ съ половиной столѣтій имѣлъ почти императорскую власть и жилъ въ болѣе чѣмъ императорской роскоши. Но въ Японіи мало домохозяйствъ настолько бѣдныхъ, чтобы не могли собирать изъ года въ годъ хотя бы маленькій запасъ игрушекъ, и выставка послѣднихъ, какъ бы скудна она ни была, является, во всякомъ случаѣ, событіемъ года въ жизни маленькихъ дѣвочекъ¹.

Независимо отъ праздниковъ въ опредѣленные времена года, маленькая японка имѣетъ вообще большое разнообразіе игрушекъ и игръ, частью пріуроченныхъ также къ опредѣленнымъ временамъ года, а частью улаждающихъ ее когда угодно. Въ новый годъ популярны игры на воздухѣ—это воланъ и мячъ. На мой взглядъ, нѣтъ красивѣе зрѣлища, какъ группа маленькихъ дѣвочекъ, въ разноцвѣтныхъ и широко-рукавыхъ костюмахъ, играющая въ эти игры: граціозныя ритмическія движенія тѣла, блестящія, смотрящія вверхъ глазки, смѣющіяся лица въ обстановкѣ красоты японской природы и наконецъ изумительная ловкость, съ какою онѣ бѣгаютъ на своихъ высокихъ лакированныхъ гетахъ и которая составляетъ постоянный источникъ удивленія для каждаго, кто дѣлалъ попытку ходить на этихъ неуклюжихъ деревяшкахъ! Не всѣ куклы дѣвочекъ убираются въ несгораемое помѣщеніе, когда праздникъ кончается, но многія забавляютъ своихъ маленькихъ матерей въ теченіе цѣлаго года. И на каждомъ кванъ-ко-ба, или базарѣ, можно купить по крайне низкимъ цѣнамъ безконечно

разнообразныя игры, загадки, картинки, которыя надо разрѣзывать и склеивать, и другія забавы всякаго рода, позволяющія маленькой японкѣ проводить много пріятныхъ часовъ не только на воздухѣ, но и въ комнатахъ.

Что касается волшебныхъ сказокъ, столь дорогихъ сердцу ребенка во всякой странѣ, то юная японка имѣетъ ихъ полную чашу. Часто слушаетъ она въ полуснѣ,—кутаясь въ теплое стеганое одѣяло, покрывающее котатсу* въ холодные зимніе вечера,—усыпляющій голосъ старой бабушки или няни, который уноситъ ее на крыльяхъ воображенія въ удивительный дворецъ морскихъ боговъ, или въ царство ужасныхъ они — чудовищъ съ красными обезображенными лицами и грозными рогами. При этомъ Момотаро, стройный юноша, совершающій удивительные подвиги побѣды надъ они, является ея героемъ до тѣхъ поръ, пока не вытѣснится болѣе реальнымъ героемъ японской исторіи.

Иногда дѣвочку берутъ на цѣлый день въ театръ, гдѣ, сидя на полу въ ложѣ, отдѣленной отъ сосѣдей, она, въ обществѣ своей матери и сестеръ, наслаждается, хотя и не безъ пароксизмовъ ужаса и страха, историческими пьесами на героическія темы, которыя составляютъ теперь почти все, что осталось отъ героической старой Японіи. Здѣсь она воспринимаетъ духъ преданной вѣрности, который былъ достояніемъ тѣхъ дней; здѣсь формируются ея понятія о томъ, чѣмъ должна желать сдѣлаться японская женщина для своихъ родителей и мужа... И дѣвочка

* Котатсу — горящій уголь въ маленькой жаровнѣ на полу, надъ которой ставится деревянная рама, прикрытая стеганымъ одѣяломъ. Семья размѣщается въ холодную погоду кругомъ него, покрывая ноги и колѣни краями этого одѣяла.

уходить изъ театра, получивъ задатки пониманія,— въ такой полнотѣ, въ какой не могла бы получить ни отъ какого другого способа обученія,—того духа, какой воодушевлялъ ея предковъ и какой долженъ воодушевлять ее, если она пожелаетъ быть достойнымъ потомкомъ женщинъ стараго времени.

Въ такой обстановкѣ, пользуясь удовольствіями, но и учась обязанностямъ, растетъ наша маленькая дѣвочка. Безсознательный и прекрасный духовный міръ ея дѣтства не разстраивается на зарѣ дѣвическаго возраста мыслями о красавцахъ, о выѣздахъ въ общество, о флиртѣ и побѣдахъ надъ толпой поклонниковъ и о конечной цѣли—замужествѣ, изъ-за любви или изъ-за денегъ, смотря потому, что больше ласкаетъ ея воображеніе. Сама она не задумывается объ этомъ, и ея сношенія съ молодыми людьми, хотя свободныя и безъ стѣсненій, не имѣютъ въ себѣ ни малѣйшаго зародыша флирта или романтическаго интереса. Когда для нея приходитъ время выйти замужъ, ея отецъ найдетъ достойнаго, по его мнѣнію, молодого человѣка, и оба, какъ она, такъ и этотъ послѣдній, будутъ знать, когда ихъ сведутъ вмѣстѣ, какая цѣль имѣется въ виду, и постараются настроить свои мысли въ этомъ направленіи. Но до того времени скромныя японки неповинны во флиртѣ, мало думаютъ о мужчинахъ иначе, какъ о высшихъ существахъ, которыхъ надо уважать и которымъ надо угождать, и сохраняютъ дѣтскую невинность манеръ, соединенную при всякихъ обстоятельствахъ со спокойнымъ достоинствомъ, составляющимъ такую отличительную черту японской женщины съ дѣтства до старости.

Подъ вліяніемъ такой дисциплины японка представляетъ законченный продуктъ воспитанія уже въ

возрастъ отъ шестнадцати до восемнадцати лѣтъ. Она чиста, мила и любезна, съ высоко развитымъ самообладаніемъ и съ знаніемъ, что ей дѣлать при всѣхъ случаяхъ. Высшій, духовный элементъ ея природы мало развитъ; никакія великія религіозныя вѣрованія не подымали ея души надъ этимъ суетнымъ міромъ въ болѣе ясную и высокую атмосферу; но во всемъ, что касается мелочей повседневной жизни, она здрава, трудолюбива, кротка и привлекательна, и готова къ исполненію своего долга, когда приходитъ время быть женою, матерью и хозяйкой дома. Высшій принципъ, которымъ она научилась руководствоваться, это—повиновеніе, даже до степени подавленія всѣхъ своихъ тончайшихъ женскихъ инстинктовъ, „повелѣніямъ“ отца и мужа; и, дѣйствуя на основаніи этого принципа, она способна къ такому полному самоотреченію, до котораго могутъ дойти лишь немногія женщины какой нибудь другой расы.

Съ окончаніемъ дѣтства заканчивается и самый счастливый періодъ жизни японки. Дисциплина, въ которой она росла,—какъ ни принудительна и постоянна была она,—руководила ею подъ попеченіями ласковыхъ и любящихъ родителей. Она пользовалась свободой въ такой степени, которая неизвѣстна въ другихъ странахъ Азіи. Дома ее искренно любили, часто баловали, какъ любимицу во всей семьѣ, хотя она и не получала ласкъ и не слышала ласкательныхъ словъ,—которыми избалованы американскія дѣти, ожидая ихъ, точно по праву,—потому что любовь въ Японіи не демонстративна *. Но какъ разъ въ то время, когда уметвенный кругозоръ ея расширяется,

* Подѣлуи неизвѣстны въ Японіи, и консервативные японцы смотрять на нихъ, какъ на животный и неприличный способъ выраженія любви.

и развивается желаніе къ приобрѣтенію знаній и самоусовершенствованію, тѣ ограниченія и путы, какія налагаются на нее воспитаніемъ, согласно обычаямъ родины, дѣлаются для нея болѣе и болѣе тяжелыми. Сфера ея дѣйствій, кажется, какъ будто суживается, затрудненія, одно за другимъ, возрастаютъ, и молодая дѣвушка, которая видитъ раскрывающуюся передъ нею жизнь, какъ что-то широкое и свободное, которая смотритъ на будущее съ радостными оживленіями, можетъ обратиться черезъ немного лѣтъ въ утомленную женщину съ разбитымъ сердцемъ.